

Сингулярность Максима

Владимир Коток

Темнота. Необъятная, абсолютная, обволакивающая. Максим смотрел в экраны нового телескопа "Горизонт-2", установленного на орбите Земли. Космос казался пугающе молчаливым. Его мысли возвращались к пережитому эксперименту, когда его сознание раскололось на множество версий себя, каждая из которых проживала иную жизнь. В тех реальностях он видел всё: от счастья и трагедий до альтернативных миров, где Илоны вовсе не существовало.

Теперь они с Илоной оставались друзьями, но для неё это слово звучало как компромисс. Она терпеливо ждала, что Максим вернётся к прежним чувствам. Он же, обогащённый опытом множества реальностей, смотрел на неё с благодарностью, но без прежнего пламени.

Максим сосредоточился на экранах. Его команда зафиксировала галактику, тип которой называли "гостевой". Её возраст превышал 20 миллиардов лет, что противоречило всем известным законам физики. Наблюдаемая Вселенная не могла быть старше 13,8 миллиардов.

— "Гостевая галактика", — прошептал он, всматриваясь в экран, где яркий вихрь из миллиардов звёзд выглядел как ошибка в программе.

Илона стояла рядом. Она всегда была его верным напарником, даже если её взгляд иногда выдавал подавляемую грусть.

— Это не ошибка, — наконец сказала она, указывая на спектральный анализ. — Смотри, изотопы, которых у нас никогда не было. Всё указывает на то, что это объект из... другого места.

Максим задумался.

— Мультивселенная?

Она кивнула, и в этот момент напряжение между ними исчезло: их объединяла загадка, настолько великая, что личные вопросы отступали на второй план.

Погружение в теорию

Максим провёл ночь за расчётами. Время от времени он ловил себя на мысли о том, как прошлый эксперимент изменил его. Ощущение многоверсийности сознания не покидало его, и теперь он смотрел на мир как на сложное переплетение вероятностей.

"Что, если чернота космоса — не просто пустота, а окно в её суть?"

На бумаге он начал рисовать схемы:

1. Пространство вокруг чёрной дыры искривлено так, что линии света и материи всегда возвращаются к её центру.
2. Это объясняет черноту космоса — мы смотрим в центр сингулярности, независимо от направления взгляда.

3. Если наша Вселенная — одна из таких "дыр", тогда "гостевая галактика" могла попасть сюда, преодолев границы мультивселенной.

Эта мысль будоражила его. "Мы живём внутри чёрной дыры," — шептал он себе, пока ночь уходила в рассвет.

Исчезновение

Ещё в студенческие годы Максим выдвинул гипотезу, которая вызвала тогда лишь скептические усмешки его преподавателей. Он предположил, что массивные объекты, такие как "гостевые галактики", могут обладать достаточной скоростью и массой, чтобы временно "погружаться" под горизонт событий нашей наблюдаемой Вселенной, как плоские камешки-блинчики погружаются под уровень речной воды не прорывая его, если их пустить с силой и под определенным углом. Подобное поведение галактик, по его расчетам, возможно лишь в особых условиях — когда объект движется с колоссальной скоростью, но при этом его траектория позволяет избежать полного захвата гравитацией. Галактика, таким образом, словно "ныряет" под горизонт, как "блинчик" под уровень воды, оставляя за собой лишь гравитационные возмущения, и может "вынырнуть" обратно, хотя не обязательно в том времени или пространстве, где её ожидали бы увидеть.

Последние несколько недель Максим внимательно следил за одной из таких галактик. Она находилась на границе наблюдаемой Вселенной и обладала огромной массой, что уже само по себе было аномалией. Ещё неделю назад его приборы начали фиксировать странные гравитационные всплески. Амплитуда и частота их колебаний возрастали, словно галактика ускорялась, готовясь к решающему рывку. Максим понимал: это может быть предвестником исчезновения.

И вот, на экране приборов, они увидели не её пропажу, а последствия: графики гравитационных возмущений резко упали до нуля. Илона нахмурилась.

— Подожди... её больше нет? — спросила она, всматриваясь в экран, где звёзды галактики всё ещё ярко светились.

— Гравитационное поле исчезло, — ответил Максим. — Свет будет идти к нам ещё миллиарды лет. Мы видим её проекцию, но её там больше нет.

Илона посмотрела на него с недоумением.

— Ты знал, что это произойдёт?

Максим кивнул, не отрывая взгляда от монитора.

— Я ждал этого, — сказал он. — Наблюдал признаки ускорения. Думаю, она ушла за наш горизонт событий. Если моя теория верна, она движется в сторону центра другой Сингулярности, соседствующей с нашей. Именно это и придаёт ей ускорение — ускорение свободного падения по направлению к другому центру массы.

— И что с ней будет? — спросила Илона.

— Если она и может вернуться, то уже не для нас. Не в нашем времени. Скорее всего, она навсегда покинула нас.

Эти слова повисли в воздухе. Максим знал, что это открытие может перевернуть понимание о природе Вселенной, но оставляло больше вопросов, чем ответов.

Размышления

Максим не мог забыть гравитационные волны. Их исчезновение стало для него ключом. Если галактика покинула их реальность, её след мог пролить свет на природу тёмной материи.

— Илона, а что, если тёмная материя — это тоже "призрак"? — спросил он однажды. — Что, если это следы ушедших объектов?

Она посмотрела на него, пытаясь понять.

— Ты думаешь, что это остаточные гравитационные поля?

— Возможно. Что-то, что мы больше не можем видеть, но можем чувствовать.

Илона вздохнула.

— Это звучит красиво, но страшно. Значит, Вселенная полна следов ушедшего?

Максим кивнул.

— Да. И мы лишь начинаем понимать, сколько мы упустили.